

Представляем Исследовательский комитет РАПН по политической коммуникативистике

Исследовательский комитет РАПН по политической коммуникативистике был создан год назад, и уже первое его заседание по теме “Политическая коммуникативистика: проблемы предметного позиционирования” имело большой резонанс. Отчет, помещенный в Интернете, вызвал отклики не только россиян, но и специалистов из-за рубежа. Процесс конституирования данной субдисциплины вызывает неоднозначные отклики. Одни “двумя руками” голосуют за необходимость создания теории политических коммуникаций и на ее основании – политической коммуникативистики. Другие полагают, что торопиться не стоит и надо идти поэтапно, синтезируя вначале общую коммуникативистику, или коммуникациологию, пытаясь объединить ее с политологией, но не суммативно, а в диалектическом единстве. Третьи считают, что складывание политической коммуникативистики преждевременно, а осмысление политических коммуникаций находится на допарадигмальном уровне, поскольку научное сообщество еще не договорилось даже об общих понятиях. Четвертые доказывают, что практика – мерило новой науки, которая формируется постольку, поскольку в ней возникает необходимость со стороны общества и политиков.

В любом случае зафиксирован парадокс: практика политических коммуникаций в стране и мире весьма разнообразна, ярка и впечатляюща, а теоретическое осмысление этого феномена не столь убедительно. Авторы материалов, помещенных в рубрике “Субдисциплина: политическая коммуникативистика”, в определенной степени пытаются дать свой ответ на вопросы, что такое современные политические коммуникации, возможна ли кристаллизация новой субдисциплины в политической науке и что мешает ей обрести научную самостоятельность, а также есть ли разница между “человеком политическим” и “человеком коммуникационным”. Идет обычный научный поиск. Присоединяйтесь.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАТИВИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Л.Н. Тимофеева

Ключевые слова: политические коммуникации, информационные технологии, медиа-партии, политическая сфера.

Парадоксально, но факт: о политической коммуникативистике сегодня говорят и пишут немало, но самостоятельной “научной прописки” она до сих не получила. Скорее – “вид на жительство”. И это при том, что нынешняя политическая практика вопиет к теоретическому осмыслению именно политических коммуникаций, которые многое определяют в современном мире. На наших глазах они творят, конструируют политическую реальность. С одной стороны, заботятся о мире, способствуют объединению граждан и государств, порождают новые идеи и способствуют реализации жизненно важных проектов и гуманистических инициатив. С другой стороны, они разъединяют народы разных стран и граждан внутри государства, замещают собой реальность, порождая неоправданные надежды, некие виртуальные образы реальности – “симулакрумы” (от

ТИМОФЕЕВА Лидия Николаевна, доктор политических наук, профессор, зам. зав. кафедрой политологии и политического управления РАГС при Президенте РФ, руководитель исследовательского комитета РАПН по политической коммуникативистике, вице-президент Академии политической науки, зам. председателя Правления РАПН. Для связи с автором: timofeeva@ur.rags.ru

лат. “притворяться”, означая подделку, вымысел, несоответствие). Под влиянием новых информационно-коммуникационных технологий меняются политические институты (появились медиа-партии, электоральное голосование с глазу на глаз с компьютером), политические отношения (реальные связи замещаются ритуалами, театрализацией), формы политического воздействия на общество и общественное сознание (происходит виртуализация и медиатизация политики), а способы постижения реальности проходят в основном не через практику, а через телевизионное убеждение. Словом — новые широкомасштабные и динамичные изменения в современном мире: переход от индустриального общества к информационному, очередной этап всемирной информационно-коммуникационной революции (уже совершившей четыре мощных цивилизационных переворота в истории человечества: создание письменности, алфавита, массового книгопечатания и средств массовой информации, электронной коммуникации и полимедиа); глобализация и специализация политических коммуникаций — все это требует глубокого научного осмысления. И сегодня мы ощущаем явное отставание теоретического изучения этого феномена от реальных масштабов, которые они занимают в политической практике.

Коммуникативистика — общее название совокупности научных дисциплин, изучающих социальные коммуникации. Этот термин вошел в обиход российских обществоведов сравнительно недавно — в 90-е годы прошлого века — в связи с выходом в свет книг Л.М. Земляной “Современная американская коммуникативистика” и “Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций” [Землянова 1995; 1999]. До этого в 1960–1970-е годы в Советском Союзе речь шла только о коммуникациях, да и то в усеченном виде¹. Автор уверенно заявлял, что в середине XX в. в США формируется новая наука, изучающая системы средств и гуманитарных функций массовых информационных связей, которую по аналогии с журналистикой можно было бы назвать *коммуникативистикой*.

С тех пор немало сделано для изучения социологии массовых коммуникаций, средств массовой информации и коммуникации, даже для создания общей теории коммуникации, но не так много — для изучения специфики политических коммуникаций: здесь работа только начинается. Защищено несколько докторских диссертаций², опубликован ряд монографий, книг и учебных пособий по политическим коммуникациям [Вершинин 2001;

1 В советское время считалось, что коммуникация — это термин чисто технический, а его употребление на Западе, на самом деле, способствует сокрытию истинного смысла того, чем занимаются в частности СМИ — служат укреплению капиталистического строя и пропаганде буржуазного образа жизни. Исследователь коммуникаций В. Березин, добросовестно проанализировавший библиографию по коммуникативистике в советский период, справедливо замечает, что отношение к ней было настороженным: “В библиографическом указателе ‘Журналистика’, охватывающем литературу, вышедшую в СССР в 1976–1980 гг., не приведено ни одной работы, в названии которой было бы употреблено хотя бы одно из этих понятий — ‘коммуникация’, ‘массовая коммуникация’. В реферативных сборниках, выпущенных Институтом научной информации по общественным наукам ‘Средства массовой информации и пропаганды. Советская литература 1978–1980 гг.’ и ‘Средства массовой информации и пропаганды. Советская литература 1980 г.’ в приведенных списках литературы из 234 наименований лишь в семи работах в названии использован термин ‘коммуникация’. Табу на него в эти годы прочно сохранялось” [Березин 2003: 38–39].

2 См. [Пляйс 2009] список докторских диссертаций, защищенных с 1990 по 2007 гг., а также [Грачев 2005], [Шомова 2005].

Гаврилова 2008; Грачев 1999; Дмитриев, Латынов, Хлопьев 1996; Ирхин 1996; Политическая... 2003; Политические... 2004; Соловьев 2002; Шомова 2005 и др.]. В ведущих вузах страны, в частности, в МГУ им. М.В.Ломоносова и СПбГУ, стали читать курсы “Политическая коммуникативистика”, “Введение в коммуникативистику”. Философский факультет МГУ приступил к подготовке специалистов с присвоением им квалификации “Политолог” и указанием специализации “Политическая коммуникативистика”.

Вот что пишет по этому поводу один из авторов и редактор наиболее удачного, на мой взгляд, учебного пособия “Политические коммуникации” А.И.Соловьев во введении к изданию: “На фоне интенсивных исследований информационно-коммуникационных процессов все рельефнее видятся очертания политической коммуникативистики — науки, изучающей природу и строеные информационно-политической сферы общественной жизни, характерные для нее механизмы и тенденции развития публичных и непубличных контактов, формы эволюции общения правящих кругов и гражданского общества. Как показывает опыт, эта субдисциплина развивается тем успешнее, чем более заметную роль играют политические коммуникации в репродукции механизмов государственного управления и социализации индивида, выстраивании новой системы представительства интересов граждан и, в конечном счете — в становлении информационного общества и соответствующих структур властного регулирования в публичной сфере” [Политические... 2004: 5].

И все-таки коллектив авторов не решился назвать свою книгу “Политической коммуникативистикой” (хотя в тексте использует этот термин), присвоив политической коммуникативистике статус “особой научной субдисциплины”. И на это у него были основания.

Приставка “суб” от латинского “sub” означает “под” и указывает на ее подчиненный характер — неосновной, неглавный, меньший. Но если *подчиненный*, то по отношению к чему, и, если *меньший*, то что именно является *большим* относительно этой субдисциплины? Какая именно наука?

Кто-то может сказать: но существуют же различные теории коммуникаций, неужели ни одна из них не годится для этих целей? Действительно, по данным исследователей из США, где с 1930-х годов в университетах читаются курсы по коммуникации, насчитывается около 250 различных теорий [Крейг 2003: 73] и 126 определений коммуникации [там же: 116]. И, тем не менее, ответ будет отрицательным. Во-первых, эти теории возникли в различных областях знаний: от техники до лингвистики, и единой метатеории коммуникаций нет (хотя над этим уже работают специалисты), а во-вторых, теория — это комплекс взглядов и идей, направленных на объяснение какого-либо явления, не исключаящий и моменты заблуждения, и это еще не вся наука. Наука, как известно, это форма духовной деятельности людей, направленная на создание знаний о природе, обществе и о самом познании, имеющая непосредственной целью постижение истины и открытие объективных законов на основе обобщения реальных фактов в их взаимосвязи, для того чтобы предвидеть тенденции развития действительности и способствовать ее изменению [Кохановский и др. 2006: 11]. При этом в основе ее могут лежать различные теоретические модели, которые вместе с аналитическими понятиями выполняют посредническую роль между исследователем и действительностью, упорядочивают наши наблюдения,

позволяют нам анализировать, но проверяются исключительно опытом. Именно опыт становится основой наших предположений о том, что мы обрели знания, которые можно оценить как истинные суждения о действительном мире, существующем независимо от субъективных представлений. Поэтому для конституирования политической коммуникативистики как научного знания должно быть, подчеркнем, как минимум два условия: первое — наличие самого феномена и практики постоянного возобновления политических коммуникаций, и второе — возможность эмпирической проверки знаний о них, претендующих на статус научных. Для этого важны верификация — процесс установления истинности научных утверждений путем наблюдений и экспериментов, и обнаружение фальсификаций — процесс установления их ложности.

А чтобы окончательно провести демаркацию между политической коммуникативистикой как наукой — и не-наукой, мы должны ответить еще на ряд вопросов. Найдены ли общие, существенные свойства ее предмета, его необходимые характеристики, выраженные в системе абстракции, в форме идеализированных объектов? Каковы законы, на основе которых эта наука осуществляет анализ и прогноз будущего с целью дальнейшего практического освоения действительности? Какова методологическая рефлексия, с помощью которой она изучается? Есть ли коллективный субъект исследования политической коммуникативистики, систематически ведущий научный дискурс по данному предмету, исключающий косность, догматизм и приветствующий критику и самокритику, обладающий соответствующей профессиональной подготовкой, и есть ли у него постоянная печатная (электронная) научная площадка? Кроме того, каждая система знаний требует точности понятий, суждений и умозаключений, с которыми согласны большинство ученых, применяя единый общепонятный язык научного дискурса. Если же этого нет, то можно лишь говорить о допарадигмальной стадии оформления научного знания. Напомню, что *парадигмальной стадии* соответствует признание всеми научных достижений, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу [Алексеева 2007: 23].

Наука также отличается от теории тем, что она помимо стройного и непротиворечивого объяснения явления должна предложить механизм реализации полученных знаний в человеческой деятельности. Научное знание не обладает исключительной самоценностью, оно имеет важную практическую ценность. Иными словами, наука это не только стремление к истине, к пониманию того “как есть”, к осознанию фактов жизни, но в равной мере и стремление к ответу на вопрос “почему именно так” все происходит? Эти два вопроса неразрывно связаны друг с другом. “Вопрос ‘Почему?’ — это вопрос теоретический, а значит, вопрос не о факте, а о взаимосвязях между фактами, о механизме происхождения наблюдаемых явлений, а связанные с ним ответы сформулированы в форме гипотез и теорий, которые проясняют провозглашаемое положение вещей, а заодно содержат общую информацию о потенциальной практической ценности” [Пржибыловский 2001: 154; цит. по Крауз-Мозер 2008: 35]. В своем практическом измерении наука должна быть орудием, служащим для рационализации жизни.

А чем может помочь гражданам и “государевым людям” политическая коммуникативистика как наука? На мой взгляд, перед ней стоят две задачи. Во-

первых, раскрыть для них сущность и механизмы формирования политической коммуникации, показать, как она участвует в конструировании политической реальности, какова ее роль в политических и социально-экономических, духовно-культурных преобразованиях современного мира и что процесс этот объективный и необходимый. Во-вторых, исследовать правовые, этические, политические ограничения в воздействии политических коммуникаций на общественное сознание, часто замещающих, подменяющих собой реальные действия политиков, виртуализирующих их практику, симулирующих ее и образующих опасный разрыв между словами и делами, когда общество не в состоянии проконтролировать правду и обман в политике. Для этого она должна предоставить гражданам, альтернативным политикам проверочные механизмы, тестирующие эти коммуникации на истинность, и показать, как это осуществить на практике, чтобы жизнь людей стала более безопасной.

Естественно, что на все эти вопросы вряд ли можно ответить в данной статье (да и в силах ли мы сегодня сделать это?), но автор считает своим долгом поставить их перед политологической общественностью, пытающейся конституировать политическую коммуникативистику как науку.

Для начала нам необходимо ответить хотя бы на вопрос *об объекте и предмете политической коммуникативистики*, которая даже по названию включает в себя две области знаний. Вероятно, что ведущей, структурообразующей наукой будет та, которая отражает высшие уровни развития объекта исследования, его наиболее сущностные характеристики.

Предположим, что объектом политической коммуникативистики является генеральная для данной науки область знания. Если это будет политология, то возникнет политология коммуникаций, а если коммуникативистика или коммуникология, то — основа для создания коммуникологии политики. Но, на мой взгляд, это уводит нас в сторону от предмета нашего интереса — политических коммуникаций. Дело в том, что в первом случае предметом исследования будет информационно-коммуникационная составляющая политики, а во втором — политика в информационно-коммуникативной сфере. По первому пути пошел авторский коллектив книги “Журналистика в мире политики” под ред. С.Г.Корконосенко [Журналистика... 2004], обосновывая появление новой дисциплины “Политология журналистики”, а по второму — В.Д.Попов, автор книг по информатиологии [в частности, Попов 2003], и др. Нас же интересуют собственно политические коммуникации, которые и являются предметом политической коммуникативистики. И здесь стоит подробнее остановиться на содержании понятия.

Политические коммуникации представляют собой довольно сложное явление. Отчасти об этом можно судить на основании ряда определений, данных российскими политологами.

“Политические коммуникации — это смысловой аспект взаимодействия субъектов политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Они связаны с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение политического процесса” [Вершинин 2001: 53].

“Политическая коммуникация выступает как специфический вид политических отношений, посредством которого доминирующие в политике субъекты

регулируют производство и распространение общественно-политических идей своего времени” [Основы... 2004: 517].

“...Данный феномен представляет собой форму существования политики и одновременно способ организации контактных связей акторов, формирующийся на основе целенаправленного обмена между ними информацией, предназначенной для исполнения ими своих функций в пространстве публичной власти, а также осуществления сопутствующих действий на всех уровнях политической системы” [Политические... 2007: 462].

Из этих определений становится ясно, что политические коммуникации являются одновременно формой, способом и содержательной атрибуцией политики, политических отношений в обществе. И коль скоро это так, то не использовать ли нам сразу обе научные дисциплины: политологию и коммуникативистику для создания целостной научной базы? Но тогда не исключена конкуренция между двумя областями знаний, которая способна скорее привести к поглощению одной науки другой, нежели к рождению смежной, оригинальной дисциплины. Очевидно, что лучше всего объект анализа поместить *в зону пересечения их интересов*. В этом случае объектом политической коммуникативистики может стать сама политическая коммуникативистика. Но допустить, чтобы политическая коммуникативистика объясняла себя через себя же, нельзя.

Казалось бы, мы попали в тупик. Но давайте посмотрим, как в университетах Запада преподается политическая наука. Там сосуществуют два академических предмета, составляющие политическую теорию: политическая философия (нормативная политическая теория) и политическая наука (эмпирическая политическая теория, близкая к тому, что в России получило название “политология”). Каждая из этих дисциплин обладает самостоятельным полем исследования, в то же время они самым тесным образом связаны друг с другом [Алексеева 2006: 10].

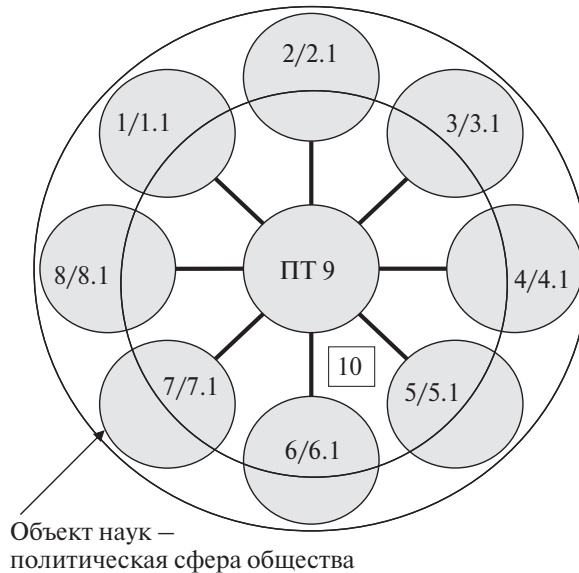
Если пойти по такому пути, то “высшим этажом” для политической коммуникативистики должна стать теория политических коммуникаций. Должна, но ее пока нет. Отсюда, как замечают российские исследователи, политические коммуникации воспринимаются нередко как простая экспликация социальных информационных обменов в сфере власти [Политические... 2004: 6]. Но ведь у политической коммуникации помимо общего с социальной коммуникацией есть и специфика. Эта специфика связана с политической сущностью коммуникации и политической сферой, в которой она протекает и которая достаточно подвижна. Впрочем, коммуникации тоже постоянно трансформируются. Как справедливо замечает А.И.Соловьев, сложность состоит и в том, что коммуникации, к примеру, начинают формироваться как политические, а потом оказываются экономическими, правовыми и т.д., и наоборот. Вот этот момент “смерти” или “рождения” политики в коммуникации необходимо уметь уловить [см. Политическая... 2008: 28].

А если попытаться сконструировать теорию политических коммуникаций, вычленив “строительный материал” для нее из теории политики и теорий коммуникаций? Имеем ли мы на это право? Думаю, что имеем, по аналогии с политической наукой. Дело в том, что природа самой политологии (название, сложившееся в России) или политических наук на Западе, как и коммуникативистики, носит ярко выраженный междисциплинарный и интегративный характер.

Политологию нередко рассматривают как суммативную науку, точнее, множество наук, объединенных между собой лишь общим объектом изучения (отсюда термин “политические науки”, а не “политическая наука”). Большинство российских ученых на этом основании полагают, что политическая наука едина, хотя и со значительной долей условности. А.А.Дегтярев в книге “Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность” [Дегтярев 2000: 98] предложил в центр схемы поместить политическую теорию, или политологию в узком смысле, а вокруг расположить другие дисциплины с указанием “частных” политических наук, вычленившихся из них для исследования только одного предмета – политики (см. схему 1), представив тем самым соотношение предметных полей общей теории политики и частных политологических субдисциплин в изучении различных аспектов объекта наук (политической сферы).

Схема 1

Политическая жизнь как изменяющийся объект познания

Примечания к схеме 1: 1 – философия и 1.1 – философия политики; 2 – социология и 2.1 – социология политики; 3. – психология и 3.1 – психология политики; 4 – история и 4.1 – политическая история; 5. – антропология и 5.1 – политическая антропология; 6 – культурология и 6.1 – политическая культурология; 7 – экономическая наука и 7.1 – политэкономия; 8 – юридическая наука и 8.1 – теория политико-правовых норм и институтов; 9 – общая теория политики (политология в узком смысле); 10 – политическая наука (политология в широком смысле).

Другой российский политолог В.С.Комаровский, который также использовал эту схему для объяснения места политологии в системе других социальных наук, дал такое пояснение: “Особый статус политической теории обусловлен тем, что она изучает политику не в общем ряду других объектов (как философия, социология, история и т.д.), а как единственный и основной

объект, причем во всей целостности ее качеств и определений, как целостную систему с имманентно присущими закономерностями взаимоотношений между управляемыми и управляющими по поводу власти и влияния” [Политология... 2006: 29].

Схема хороша, но в ней нет одной важной “спицы” — коммуникативистики и собственно — политической коммуникативистики. И не случайно. Сегодня перед российскими исследователями стоит задача создания единой науки — *единой метатеории* коммуникаций и коммуникативистики (коммуникологии). Исследователи полагают, что теория коммуникаций и коммуникативистика — не совпадающие категории. Авторы одного из самых содержательных учебников, выпущенного под грифом Министерства образования (“Основы теории коммуникации” под ред. проф. М.А.Василика), признаются: “Теория коммуникации — сравнительно молодая область научного знания, которая стала обретать статус самостоятельной академической дисциплины в нашей стране лишь в последнее десятилетие... Однако у исследователей пока еще нет единства относительно научного статуса теории коммуникации, ее объекта и предмета, ее принадлежности к тому или иному ‘научному ведомству’, а также ее места в системе современного социогуманитарного знания вузовского образования” [Основы... 2003: 9].

На ярко выраженный междисциплинарный характер формирующейся коммуникативистики обратили внимание уже давно. Еще в 1972 г. Р.Бадд и Б.Рубен в книге “Исследование социальных коммуникаций” представили антологию теорий коммуникаций, включающую 24 дисциплины в алфавитном порядке — от антропологии до зоологии. Затем в 1982 г. С.Литлджон дал еще более обширный обзор эпистемологических традиций, питающих теорию коммуникации, включив туда далекие друг от друга области, такие как математика, техника, литература и т.д. В целом при некоторой разнице подходов в различных источниках упоминаются: *технические дисциплины*, которые изучают способы хранения, обработки и передачи информации в процессе коммуникации, создание специальных кодов, помогающих это сделать; *кибернетика*, изучающая законы эффективного управления информацией в искусственно созданных системах и организационных структурах; *философия*, изучающая универсальные законы взаимодействия субъектов; *логика*, постигающая формы мышления и пути достижения истины, способы ведения диалога и спора; *риторика*, предлагающая знания в области эффективной речевой коммуникации и навыков публичной коммуникации; *герменевтика*, в фокусе внимания которой — проблемы понимания (толкования текстов), постижение их неочевидных глубинных смыслов; *семиотика*, изучающая свойства знаков и знаковых систем, функционирующих в социуме; *лингвистика*, которая занята изучением вербальной коммуникации, законов употребления слов, норм устной и письменной речи; *психология*, чье внимание приковано к исследованию индивидуальных и групповых психофизиологических особенностей общения, к факторам, способствующим передаче и восприятию информации, а также затрудняющих процесс межличностной и массовой коммуникации; *социология*, исследующая механизмы взаимодействия социальных субъектов, символические интеракции, социальную обусловленность норм, стереотипов общения и поведения, формирование общественного мнения; *этногра-*

фия, изучающая бытовые и культурные особенности коммуникации в этнических ареалах, язык и символику, традиции, выработанные определенным этносом в качестве способа собственной идентичности; *этика*, исследующая нормы общения.

Объясняя интегративную природу коммуникативистики, инициаторы выпуска первой “Международной энциклопедии коммуникаций”, вышедшей в 1989 г. и подводившей своеобразный итог более чем 50-летней истории научных исследований, практики и преподавания социальных коммуникаций в США³, Э.Барноу, Дж.Гербнер, У.Шрам подчеркнули тот факт, что корни некоторых кардинальных проблем современной коммуникационной революции и изучающей ее науки уходят в глубь веков, ибо *информативно-системные связи — неотъемлемый атрибут общественной сути человечества* (выделено мной), и без них нельзя было бы ни создавать, ни сохранять для будущих поколений социально-культурные ценности и традиции. И как бы ни менялись формы и средства, функции и потенции таких связей — от наскальных рисунков, ритуальных танцев и барабанных языков первобытных времен до компьютерного дизайна, видеодисков и телефаксов, информационные обмены всегда были и будут необходимы для совершенствования общественной природы человека, его духовного мира и творческих сил.

В предисловии к энциклопедии один из ее авторов Э.Барноу подчеркивает эту мысль: “Центральное положение коммуникаций в истории человечества убедительно объясняет, почему такие различные отрасли познания как антропология, искусство, образование, этнология, история, журналистика, право, лингвистика, философия, политология, психология и социология, — все тяготеют к изучению коммуникационных процессов и сотрудничают в создании новой дисциплины” [Vagnouw 1989: 19].

Но как при таком разнообразии дисциплин, которые можно отнести частично к общественным наукам, частично к коммуникативным, подобрать к решению нашей задачи, сконструировать теорию политических коммуникаций?

Мне представляется возможным такой путь: нужно начать с создания метатеории коммуникаций, затем — коммуникативистики (коммуникологии), а уже на ее основании и на основании политологии, которая, с известными оговорками, состоялась, можно строить теорию политических коммуникаций, а затем и собственно политическую коммуникативистику.

Р.Крейгу — профессору факультета коммуникации в Колорадском университете США, занимавшему в 2003–04 г.г. пост президента Международной коммуникативной ассоциации, принадлежит идея конструирования единой общей теории коммуникации, имеющей статус особой области знания [см. Крейг 2003]. Он исходит из того, что все коммуникативные подходы, сложившиеся в разных науках, релевантны реальным явлениям жизненного мира: каждый из них представляет ту или иную сторону многомерного феномена

³ Первый в мире исследовательский центр по изучению коммуникаций был организован Фондом Рокфеллера в 1939 г. До этого в большей степени исследовали политическую пропаганду и агитацию, связи с общественностью, деятельность СМИ и т.д. В 1955 г. создается международный журнал коммуникативистов под названием “Газетт” для сравнительного изучения информационных средств связи в различных странах, преобразованный через 50 лет в 2005 г. в *Международный коммуникационный вестник*.

коммуникации. В этом плане теория коммуникации должна являться согласованной областью метадискурсивной практики (это — область дискурса о дискурсе, имеющая значение для коммуникативной практики).

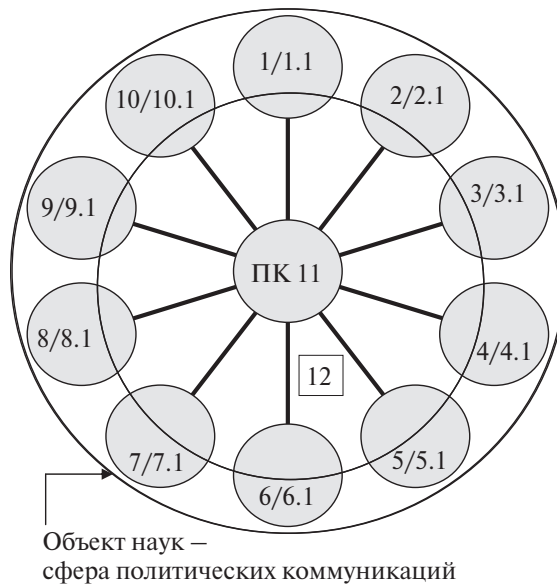
Каждая из многочисленных традиций изучения коммуникаций имеет собственные способы концептуализации и обсуждения коммуникативных проблем и практик, каждая апеллирует к одним положениям и оспаривает другие. Только в ходе диалога между ними, когда они одновременно дополняют и опровергают друг друга, может родиться теоретический метадискурс, который более или менее совпадает с практическим метадискурсом, используемым в обществе. В связи с этим ученый понимает возможную теорию коммуникации как области знания не как единую теорию, сконструированную по образцу классического идеала научности, но как диалогически-диалектическую дисциплинарную матрицу — систему допущений, понимаемых всеми сходным образом, но при этом постоянно оспариваемых [Василькова 2004: 85].

Приступая к конструированию своей дисциплинарной матрицы, Крейг выделяет внутри нее семь основных направлений, но при этом использует принципиально иной способ классификации: *не по дисциплинарному происхождению* (например, психологический, социологический и др. подходы), *не по уровню организации коммуникации* (например, теории межличностной, организационной, массовой коммуникации и т.д.), *не по способу объяснения* (например, когнитивный, системный подходы), *но в соответствии с коммуникативными практиками*. Итак, он предлагает семь дисциплинарных подходов к теории коммуникации: *риторический* (rhetorical), который рассматривает коммуникацию как практическое искусство дискурса; *семиотический* (semiotic), в котором коммуникация исследуется как система знаков; *феноменологический* (phenomenological), который изучает способы организации общения между людьми, диалог; *кибернетический* (cybernetic), для которого коммуникация — это процесс обработки и передачи информации; *социопсихологический* (sociopsychological), — где коммуникация есть способ воздействия на поведение человека, групп людей; общества в целом, опираясь на знание психологии; *социокультурный* (sociocultural) — согласно которому коммуникация рассматривает создание или воссоздание общественного порядка, взаимодействие людей в социуме; *критический* (critical), когда предметом исследования является отражение дискурса [Craig 1999: 119-161]. Каждая традиция сопоставляется с типичным для нее определением коммуникации и коммуникативных проблем, а также с метадискурсивной терминологией, с общепринятыми представлениями и способами их опровержения. Далее находятся единые координаты для взаимного обсуждения и критики одних традиций другими, когда оцениваются иные коммуникативные практики. “...Чтобы лучше понять суть подхода Крейга, — пишет В.В.Василькова, — надо представить теорию коммуникации как интерактивный гипертекст, позволяющий рассматривать предмет в мириадах направлений с помощью гиперссылок внутри и на пересечении различных уровней с переходом к смешанным традициям и альтернативным систематизациям, родственным дисциплинам и мультимедийным записям коммуникативных практик, связывающих теорию с практическим метадискурсом” [Василькова 2004: 86].

Но можно пойти и другим путем. Из всего многообразия научных практик и традиций, занимающихся исследованием коммуникаций, на которые указывает Крейг, мы в состоянии выбрать те, которые *формируют или уже сформировали свои субдисциплины* по изучению именно политических коммуникаций. На основе этого отбора с дополнениями и корректировкой можно выстроить более определенную схему 2, иллюстрирующую соотношение предметных полей частных политологических субдисциплин, изучающих политические коммуникации, и общей теории коммуникаций, и позволяющую понять, какие именно субдисциплины могли бы лечь в основание теории политических коммуникаций. Проблема здесь заключается в неравномерности их разработки как на Западе, так и в России. И все же положительным моментом является указание конкретных векторов: какие именно субдисциплины, изучающие коммуникации в политической сфере, надо развивать.

Схема 2

Соотношение предметных полей общей теории политических коммуникаций и частных политологических субдисциплин, изучающих сферу политических коммуникаций

Примечания к схеме 1: 1 – риторика и 1.1 – политическая риторика; 2 – лингвистика и 2.1 – политическая лингвистика; 3 – семиотика и 3.1 – политическая семиотика; 4 – кибернетика и 4.1 – политическая кибернетика; 5 – психология и 5.1 – политическая медиапсихология [см. Винтерхофф-Шпурк 2007]; 6 – феноменология и 6.1 – политическая феноменология; 7 – медиакультурология и 7.1 – политическая медиакультурология [см. Кирилова 2005]; 8 – экономическая наука и 8.1 – политэкономия средств массовой информации и коммуникации; 9 – критика и 9.1 – критика политических коммуникаций; 10 – дискурсология и 10.1 – политическая дискурсология; 11 – политическая коммуникативистика в узком смысле; 12 – общая теория политических коммуникаций (политическая коммуникативистика в широком смысле).

У зарубежных специалистов существуют и иные основания для исследования политических коммуникаций. К примеру, Р.Мидоу выделяет шесть фундаментальных подходов, которые позволяют изучать теорию политических коммуникаций с точки зрения потребностей государства и общества [цит. по Шейгал 2004: 8-9]: 1) *системный подход* восходит к кибернетике: коммуникация рассматривается в терминах интеракции между элементами системы и связывается с понятием социального контроля; 2) *лингвистический подход*, как и системный, также концентрируется вокруг понятия социального контроля, но уже не с помощью действия, а особого инструмента — языка; язык рассматривается как средство социального контроля и ограничения доступа к политическим институтам и политическим процессам; сторонники такого подхода утверждают, что социальные акторы, правомочные принимать решения, а также представители политической элиты осуществляют свою деятельность при помощи специфического языка, поэтому власти прислушиваются к их мнениям и требованиям; граждане, не входящие в элиту, не имеют доступа к принятию решений в силу своей ограниченной возможности выражать политические мнения и требования; 3) *символический подход* определяет политику, так же как и коммуникацию, в терминах обмена символами: лидерство осуществляется преимущественно через манипуляцию символами и распределение символических наград; это направление анализирует процесс создания и распространения символов; 4) *функциональный подход* переносит центр тяжести исследований с проблемы социального контроля на значение коммуникации для политической системы (особенно в сфере масс-медиа); помимо поддержания функции социальной стабильности, коммуникация выполняет функции социализации (социальной адаптации к нормам политической системы); 5) *организационный подход* представляет правительство как крупную бюрократическую организацию, связанную с теми же проблемами и ограничениями, что и любая другая организация; с этой точки зрения анализ политической коммуникации концентрируется на внутриправительственных информационных потоках и акцентирует внимание на факторах, ограничивающих этот поток и дифференцирующих доступ к информации; 6) подход, который Р.Мидоу условно называет *экологическим*, исследует политическую коммуникацию с точки зрения влияния на нее политической системы; политическая система создает среду, в которой формируются институты коммуникации и регулируются процессы коммуникации в обществе в целом (одним из проявлений такого регулирования является осуществление государством определенной языковой политики по отношению к меньшинствам) [Meadow 1980: 24] (см. схему 3).

По сути дела здесь в основание теории политических коммуникаций положены как дескриптивно-эмпирические, так и нормативные и предписывающие подходы, позволяющие понять, что есть политические коммуникации в политической системе, каковы их функции и предназначение, как их можно использовать в различных целях правительству, обществу, его институтам.

На основании предложенных схем, пожалуй, в дальнейшем можно было бы развернуть научный дискурс о необходимости и возможности формирования единой теории политических коммуникаций как теории более высокого уровня — для конституирования на ее основании политической коммуникативистики как теории среднего уровня.

Соотношение подходов к исследованию политических коммуникаций по Р.Мидоу

Довольно сложной представляется предметная зона политической коммуникативистики. В российской высшей школе есть ряд преподаваемых дисциплин, которые, по сути, расщепляют ее предмет — *политические коммуникации* на *политическую журналистику* (специальность *журналистика*), *политический маркетинг*, *политический PR* (специальность *политолог*) и т.д. Ничего страшного в этом нет, если исходить из деятельностного подхода и коммуникативных практик. Предметом политической коммуникативистики являются различные практики политической коммуникации или деятельность по созданию и обмену политическими текстами как вербального, так и невербального свойства на различных уровнях общения. Исходя из общего практического политического метадискурса — это будут управленческие политические коммуникации, избирательные политические коммуникации, политические PR-коммуникации, политические маркетинговые коммуникации, конфликтные и переговорные политические коммуникации, журналистские политические коммуникации и т.д.

В заключение хотелось бы предостеречь всех нас от возможной ошибки. Как бы велико ни было наше желание структурировать и систематизировать теорию и практики политических коммуникаций, простым суммированием знаний здесь не обойтись. Нужна скрупулезная, вдумчивая работа. А то, что внимание к этой проблематике будет нарастать — в этом я нисколько не сомневаюсь. Надеюсь, что простая мысль о том, что политические коммуникации сопровождают каждого гражданина от его рождения до смерти, не изумит нас, как героя Мольера, не подозревавшего до поры до времени о том, что всю жизнь он разговаривал прозой.

- Василькова В.В. 2004. Междисциплинарность как когнитивная практика (на примере становления коммуникативной теории). – *Коммуникация и образование*. Сборник статей (под ред. С.И.Дудника). СПб.
- Вершинин М.С. 2001. *Политическая коммуникация в информационном обществе*. СПб.: Изд-во Михайлова В.А.
- Винтерхофф-Шпурк П. 2007. *Медиапсихология. Основные принципы*. Харьков.
- Гаврилова М.В. 2008. *Методы и методики исследования политической коммуникации*. СПб.
- Грачев М.Н. 1999. *Политика, политическая система, политическая коммуникация*. М.
- Грачев М.Н. 2005. *Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ*. 23.00.01. М.: МПГУ.
- Дегтярев А.А. 2000. *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. М.
- Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. 1996. *Неформальная политическая коммуникация*. М.
- Журналистика в мире политики*. 2004. (Под ред. С.Г.Корконосенко). СПб.
- Землянова Л.М. 1995. *Современная американская коммуникативистика*. М.
- Землянова Л.М. 1999. *Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: толковый словарь терминов и концепций*. М.
- Ирхин Ю.В. 1996. Политическая коммуникация. – *Вестник РУДН. Серия "Литературоведение. Журналистика"*.
- Кирилова Н.Б. 2005. *Медиакультура: от модерна к постмодерну*. М.
- Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. 2006. *Философия науки в вопросах и ответах. Учебное пособие для аспирантов*. Ростов-на-Дону.
- Крауз-Мозер Б. 2008. *Теории политики, Методологические принципы*. Харьков.
- Крейг Р.Т. 2003. Теория коммуникации как область знания. – *Компаративистика III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований*. СПб.
- Основы теории коммуникации*. (Под ред. М.А.Василика). 2003. М.
- Пляйс Я.А. 2009. *Политология в контексте переходной эпохи в России*. М.: РОССПЭН.
- Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития*. Под общ. ред. Л.Н.Тимофеевой, Е.В.Лобзы. 2003. М., Улан-Удэ.
- Политическая коммуникативистика: проблемы предметного позиционирования. Материалы методологического семинара. Москва. 17 июня 2008 г.* Отв. ред. Л.Н.Тимофеева. 2008. М.
- Политические коммуникации. Учебное пособие*. (Под ред. А.И.Соловьева). 2004. М.
- Политические коммуникации. Политология: Лексикон*. 2007. (Под ред. А.И.Соловьева). М.
- Политология. Учебник*. 2006. (Под общ. ред. В.С.Комаровского). М.
- Попов В.Д. 2003. *Информациология и информационная политика*. М.
- Соловьев А.И. 2002. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации. – *Полис*, № 3.
- Шейгал Е.И. 2004. *Семиотика политического дискурса*. М.
- Шомова С.А. 2005. *Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы*. 23.00.02. М.: МГСУ.
- Varnouw E. 1989. *Preface//International Encyclopedia of Communications*, vol. 1. N.Y., Oxford.
- Craig R.T. 1999. Communication Theory as a Field. *Communication Theory*. – *A Journal of the International Communication Association*, vol. 9.
- Meadow R.G. 1980. *Politics as Communication*. Norwood (N.J.).
- Przybyłowski J. 2001. *Logika z ogólną metodologią nauk*. Gdansk.